

Сегодня начинается Всесоюзный фестиваль драматургии и театрального искусства народов СССР в ознаменование 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. В фестивале, который продлится до 15 января 1978 года, принимают участие драматурги, писатели-переводчики, режиссеры, актеры, театральные коллективы в целом. По итогам фестиваля будет проведена научно-теоретическая конференция. Лучшие работы будут отмечены дипломами и премиями.

Наш корреспондент беседует с председателем президиума ВТО народным артистом СССР М. И. ЦАРЕВЫМ.

— Что вы и мы должны ждать от предстоящего фестиваля: вы—деятели театра, мы—зрители?

— Пройдите вечером перед началом спектаклей по Москве — у всех театральных дверей вы увидите народ. То же самое — в других городах. Простое житейское наблюдение.

СЛУШАЯ ЭПОХУ

На вопросы нашего корреспондента отвечает народный артист СССР Михаил ЦАРЕВ

ние выявляет истину: наша публика любит театр. Значит, нет никаких оснований беспокоиться за его судьбу, его будущее? Да, действительно, интерес к театральному искусству растет с каждым годом, и не только к столичным постановкам. Со столь же живым и серьезным интересом московский, скажем, зритель относится к гастрольным афишам. И ценители, и широкая публика знают, что сегодня они вправе ждать высокого духовного и эстетического наслаждения от спектаклей грузинского, литовского, эстонского, казахского и других национальных театров. Вспомним имена Чингиза Айтматова, Иона Друце, Мустая Карима, Нодара Думбадзе, Ивана Коломийца, Рустамы Ибрагимбекова и многих других — они радуют нас многоцветьем талантов.

Я сказал, что как будто нет оснований для беспокойства. А между тем покой в нашем деле, как, впрочем, и во всяком ином, неизбежно ведет к застою. Беспокоиться — надо. И о соответствии нашего искусства требованиям времени, и о глубине нашего проникновения в жизнь, и о художественности наших произведений, об остроте и точности нашего писательского, актерского, режиссерского инструмента. Есть все основания предполагать, что фестиваль, посвященный 60-летию Советской власти, явится побудительным стимулом для создания новых произведений, посвященных современности и нашей революционной истории. Я верю, что будет достигнут новый идейно-художественный уровень, явится новая образность и выразительность. А за театром дело не станет. Будет свежий материал — родятся и свежие решения.

— Вот Вы сказали о свежих решениях. Какой театр представляется Вам доминирующим сегодня?

— Сегодня и всегда — театр психологической правды. Театр, основанный на заветах Щепкина, получивший свое дальнейшее — новаторское — развитие в системе Станиславского. Я знаю многие сегодняшние театральные работы, вижу поиск в области театральной формы, который нередко приносит успех, и все-таки убежден, главным направлением остается театр психологической правды. Самое замечательное, что поиск в этой сфере, по существу, безграничен. Вся практика нашего многонационального советского театра подтверждает это. Благодарная зрительская реакция — несомненное свидетельство жизнеспособности именно этого театра.

— Вы прожили большую жизнь в искусстве, Вы многое видели. Как Вы относитесь к современному актеру?

— Актерская техника за мой век изменилась. Что я принимаю, что меня радует в современном актерском искусстве? И в прошлом великие артисты несли в своем исполнении мысль. Но то ве-

ной организации, о последней репетиции. То есть о производстве. Это наша жизнь. Если мне сумеют показать человека в его мире глубоко и полно, будь то рабочий, инженер или ученый, я буду жадно всматриваться в этот материал — и как актер, и как современник такого героя. Это затрагивает, волнует всех нас. Недавно в Отчетном докладе XXV съезду партии подобным произведениям было уделено столь значительное место. Опасно только одно. Чтобы не писали и не ставили пьес «по поводу», «на тему», когда материал не освещен изнутри светом высокой правды, потребности художника высказаться и, конечно, светом таланта. Если этого нет, «тема» не вылезет. Я недавно записал на радио четыре монолога Каренина. Стал читать текст Толстого — и что вы думаете? Торчащие уши, механический человек, человек в футляре, и только? Ничего подобного. Это глубоко страдающая личность. Разве случайно Толстой пишет о нем, что Вронский не мог понять, как он высок! Искать и находить свою правду в каждом человеке — вот закон драматического произведения, который, увы, не всегда умеют постичь наши писатели. Но если для одного — голубая, а для другого — черная краска, о какой долгой жизни произведений тогда можно толковать? А ведь сколько их мы переиграли за жизнь — теперь никто и не помнит... Об этом должны думать участники фестиваля, и в первую очередь драматурги.

— Назовите, пожалуйста, проблему, дорогую для Вас как для художника, о которой Вам было бы интересно размышлять в новой вещи на сцене.

— Вы, может быть, удивитесь тому, что я скажу. Любовь. Ничего, на мой взгляд, нет важнее в драматической литературе. Я не о той любви говорю, которая фигурирует во многих вышедших бракоразводных пьесах, как я их называю. Я говорю о любви к человеку, которая пронизывает гордость великих писателей всех времен и народов, в том числе и нашего советского времени. О любви к труду. О том созидательном высоко нравственном чувстве, на котором держится мир. На это надо ориентироваться — глубоко и подлинно — всем, кто собирается выводить своих героев на сцену, особенно молодых, тем, кому делать завтрашний театр.

— Что нашему театру не стоит брать в будущее?

— Не стоит брать того мелкотемья, гой нехудожественности, прямолинейности, поверхностности, о которых я уже говорил. И, пожалуй, еще от одного стоит отказаться. От комплиментарной критики. Должны быть высокие критерии художественности. А мы все-таки нередко захваливаем друг друга. Больше трезвого анализа, обстоятельной, аргументированной марксистско-ленинской критики. Тебя перестают критиковать — значит, ты мертв, вот как обстоит дело. Должна быть ясная пропаганда наших художественных идей. Это принесет огромную пользу и актерам, и режиссерам, и драматургам — всему нашему театральному искусству в целом. Приближение торжественной даты обязывает советский театр выйти на новые идейно-художественные рубежи, а это означает, что мы должны самим себе честно ответить на вопрос, что такое хорошо и что такое плохо.

ликие. Подавляющая же масса опиралась на эффекты и аффекты. Аффектация была в холо. Нынче на смену ей пришли такие замечательные свойства, как лаконизм, сдержанность, простота. Очевидно, это объясняется общими психологическими переменами. Разумеется, при этом не должно быть потери профессионализма. Но то, что мысль перестала быть достоянием, достижением отдельных выдающихся фигур сцены, а разлилась, если можно так выразиться, в актерском море. — в этом я вижу знамение времени. Разумеется, вы понимаете, что не только об актерской технике речь.

— Значит, интеллектуализм в современном психологическом театре...

— Все-таки лучше не интеллектуализм, а понимание. Сколько живу на свете, не могу придумать другого глагола, нежели глагол «понять». Понимание в самом глубинном смысле — драгоценное качество, которым должен обладать художник. Понимание общества, времени, проблем времени, понимание человека. Я люблю творческую фантазию художника. Чем выше и своеобразнее ее полет, чем интереснее эстетический рисунок, богаче живописные идеи, ярче музыкальное оформление, тем более объемно, выразительно, индивидуально произведение. Но на первом месте неизменно остается — что ты хочешь сказать людям своей работой, насколько ты понимаешь жизнь и эпоху. В этом главная ценность. Фестиваль призван способствовать выявлению этих свойств художника на театре.

— Как Вы относитесь к «производственной теме»?

— С большим вниманием. Ведь что такое производственная тема? Я прихожу сегодня домой. О чем я говорю дома? О новой пьесе, о разговоре с секретарем партий-